

Леонид Николаевич Андреев

Прекрасна жизнь для воскресших

Не случилось ли вам гулять по кладбищам? Есть своя, очень своеобразная и жуткая поэзия в этих огороженных, тихих и заросших сочной зеленью уголках, таких маленьких и таких жадных. День изо дня несут в них новых мертвецов, и уже вот весь живой, огромный и шумный город перенесен туда, и уже народившийся новый ждет своей очереди, — а они стоят, все такие же маленькие, тихие и жадные. Особенный в них воздух, особенная тишина, и другой там и лепет деревьев — элегический, задумчивый, нежный. Словно не могут позабыть эти белые березки всех тех заплаканных глаз, которые отыскивали небо между их зеленеющими ветвями, и словно не ветер, а глубокие вздохи продолжают колебать воздух и свежую листву.

Тихо, задумчиво бредете по кладбищу и вы. Ухо ваше воспринимает тихие отголоски глубоких стонов и слез, а глаза останавливаются на богатых памятниках, скромных деревянных крестах и немых безвестных могилах, укрывших собой людей, которые немы были всю жизнь, безвестны и незаметны. И надписи на памятниках читаете вы, и встают в вашем воображении все эти исчезнувшие из мира люди. Видите вы их молодыми, смеющимися, любящими; видите вы их бодрыми, говорливыми, дерзко уверенными в бесконечности жизни. И они умерли, эти люди.

Но разве нужно выходить из дому, чтобы побывать на кладбище? Разве не достаточно для этого, чтобы мрак ночи охватил вас и поглотил дневные звуки? Сколько памятников, богатых и пышных! Сколько немых, безвестных могил! Но разве нужна ночь, чтобы побыть на кладбище? Разве не достаточно для этого дня — беспокойного, шумного дня, которому довлеет злоба его? Загляните в душу свою, и будет ли тогда день или ночь, вы найдете там кладбище. Маленькое, жадное, так много поглотившее. И тихий, грустный шепот услышите вы — отражение былых тяжелых стонов, когда дорог был мертвец, которого опускали в могилу, и вы не успели ни разлюбить его, ни позабыть; и памятники увидите вы, и надписи, которые наполовину смыты слезами, и тихие, глухие могилки — маленькие, зловещие бугорки, под которыми скрыто то, что было живо, хотя вы не знали его жизни и не заметили смерти. А может быть, это было самое лучшее в вашей душе...

Но зачем говорю я: загляните. Разве и так не заглядывали вы в ваше кладбище каждый день, сколько есть этих дней в длинном, тяжелом году? Быть может, еще только вчера вы вспоминали дорогих покойников и плакали над ними; быть может, еще только вчера вы похоронили кого-нибудь, долго и тяжело болевшего и забытого еще при жизни. Вот под тяжелым мрамором, окруженная частой чугунной решеткой, покоится любовь к людям и сестра ее, вера в них. Как они были красивы и чудно хороши, эти сестры! Каким ярким огнем горели их глаза, какой дивной мощью владели их нежные белые руки!

С какой лаской подносили эти белые руки холодное питье к воспаленным от жажды устам и кормили алчущих; с какой милой осторожностью касались они язв болящего и врачевали их! И они умерли, эти сестры, от простуды умерли они, как сказано на памятнике. Не выдержали ледящего ветра, которым охватила их жизнь. А вот дальше покосившийся крест знаменует место, где зарыт в землю талант. Какой он был бодрый, шумный, веселый; за все брался, все хотел сделать и был уверен, что покорит мир.

И умер — как-то незаметно и тихо. Пошел однажды на люди, долго пропадал там и вернулся разбитый, печальный. Долго плакал, долго порывался что-то сказать — и так, не сказавши, и умер. Вот длинный ряд маленьких бугорков. Кто там? Ах да. Это дети. Маленькие, резвые: шаловливые надежды. Их было так много, и так весело и людно было от них на душе, — но одна за другой умирали они. Как много было их, и как весело было с ними на душе! Тихо на кладбище, и печально шелестят листьями березки.

Пусть же воскреснут мертвецы! Раскройтесь, угрюмые могилы, разруштесь вы, тяжелые памятники, и расступитесь, о железные решетки!

Хоть на день один, хоть на миг один дайте свободу тем, кого вы душите своей тяжестью и тьмой! Вы думаете, они умерли? О нет, они живы. Они молчали, но они живы. Живы!

Дайте же им увидеть сияние голубого безоблачного неба, вздохнуть чистым воздухом весны, упиться теплом и любовью. Приди ко мне, мой уснувший талант. Что так смешно протираешь ты глаза — тебя ослепило солнце? Не правда ли, как ярко светит оно? Ты смеешься? Ах, смейся, смейся — так мало смеху у людей. Буду с тобой смеяться и я. Вон летит ласточка — полетим за нею! Ты отяжелел в могиле? И что за странный ужас вижу я в твоих глазах — словно отражение могильной тьмы? Нет, нет, не надо. Не плачь. Не плачь, говорю я тебе! Ведь так прекрасна жизнь для воскресших! А вы, мои маленькие надежды! Какие милые и смешные личики у вас. Кто ты, потешный, толстый карапуз? Я не узнаю тебя. И чему ты смеешься? Или сама могила не утратила тебя? Тише, мои дети, тише. Зачем ты обижаешь ее — ты видишь, какая она маленькая, бледненькая и слабая? Живите в мире — и не кружите меня. Разве не знаете вы, что я тоже был в могиле, и теперь кружится моя голова от солнца, от воздуха, от радости.

Пришли и вы, величавые, чудные сестры. Дайте поцеловать ваши белые, нежные руки. Что я вижу? Вы несете хлеб? Вас, нежных, женственных и слабых, не испугал могильный мрак, и там, под этой тяжелой громадой, вы думали о хлебе для голодных? Дайте поцеловать мне ваши ножки. Я знаю, куда пойдут они сейчас, ваши легкие быстрые ножки, и знаю, что там, где пройдут они, вырастут цветы — дивные, благоухающие цветы. Вы зовете с собой? Пойдемте.

Сюда, мой воскресший талант — что зазевался там на бегущие облачка? Сюда, мои маленькие, шаловливые надежды.

Стойте!..

Я слышу музыку. Да не кричи же ты так, карапуз! Откуда эти чудные звуки? Тихие, стройные, безумно-радостные и печальные. О вечной жизни говорят они...

...Нет, не пугайтесь. Это сейчас пройдет. Ведь от радости я плачу!

Ах, как прекрасна жизнь для воскресших!